

Сергей Давидис, руководитель Программы поддержки политзаключенных ПЦ «Мемориал», координатор Союза солидарности с политзаключенными:

Здравствуйте. В связи с волной протеста, поставившей требование освобождения политзаключенных, в ряд основных своих требований, эта тема оказалась гораздо ближе к центру общественного внимания, чем она была до сих пор. Не в смысле конкретных фамилий, какие-то фамилии всегда были на слуху. А в смысле системного подхода. Союз солидарности с политзаключенными и Программа поддержки политзаключенных и незаконно преследуемых по политическим мотивам, так или иначе, какое-то время уже занимаются этим. Поэтому я в первую очередь излагаю не только свою точку зрения, но и точку зрения этих институций.

Существуют разные подходы к выделению критериев понятия «политзаключенный». Ценность такого выделения находится в прямой связи с тем, как они определяются. Например, такой подход, когда выделение происходит по мотиву действий лица, которое преследуется, позволяет только научную классификацию осуществить. Какую практическую пользу можно извлечь из такого выделения – не понятно. Я руководствуюсь критериями Союза солидарности с политзаключенными и соответствующей Программы Правозащитного центра, которая рассматривает с одной стороны «узников совести» в общепринятом понимании. То есть тех людей, которые преследуются за деятельность законную, легальную, предусмотренную как Российской Конституцией, так и международными актами, гарантирующую права и свободы. Либо эти люди преследуются без вины, прежде всего в связи со своей этнической, религиозной принадлежностью. По факту – это люди, преследуемые без всякой вины. Называть их политзаключенными или выносить в отдельную категорию узников совести – это чисто терминологический вопрос.

Для удобства мы говорим о политзаключенных в широком смысле – обо всех, подключая узников совести к общему понятию. Хотя по сути это, конечно, отдельная категория. По отношению к ней и особые требования, и особое внимание. Вторая часть широкого понимания термина «политзаключенные» - это собственно политзаключенные. Критерии их отнесения к политзаключенным сводятся к одновременному присутствию в уголовном деле двух обстоятельств: с одной стороны, явных серьезных нарушений закона, прав преследуемых, нарушений процессуальных гарантий, явной избирательности или несоразмерности преследования, а с другой - с высокой долей вероятности, политического мотива власти. Эти критерии охватывают как стадию предварительного заключения, так и стадию суда и исполнения наказания. Детальные критерии юридическим языком я здесь не буду зачитывать, чтобы не утомлять присутствующих. Но, все выверенные нами формулировки содержатся на сайтах Правозащитного центра «Мемориал» и Союза Солидарности.

Главным здесь является принцип двойного ключа: с одной стороны наличие политического мотива власти, с другой стороны - явная избирательность, либо неадекватность преследования возможно содеянному человеком. Почему введен принцип двойного ключа? Казалось бы, политического мотива власти должно быть достаточно. Политический мотив власти часто исключительно умозрительно устанавливается. Никакой суд никогда не признает, что он действует по указке других ветвей власти, исполняя политический заказ. Мы это реконструируем, исходя именно из незаконных действий суда.

Но, к сожалению, как мы знаем и как утверждают другие люди, занимавшиеся политзаключенными, судебная система работает крайне не эффективно. Едва ли не половина всех приговоров вынесена так, что их следовало бы отменить, а людей отпустить из под стражи вне зависимости от того, совершали ли они те деяния или нет в действительности. Просто в судебном заседании в законном порядке не доказана их вина.

Однако выделение именно политзаключенных из общего числа неправосудных дел осмысленно по двум причинам. Первая - гуманистическая. Понятно, что плохо тем, кто незаконно или неправосудно оказался за решеткой. Но если это просто ошибка, случайность, вызванная дефектами системы, то еще сохраняются некие шансы на победу. Когда же это

целенаправленная воля системы, человеку гораздо сложнее, и он заслуживает большей поддержки.

Вторая причина, более важная. Если судебные ошибки случаются при любом устройстве судебной системы и разница между такими ошибками при разных общественных системах, в разных странах может быть очень большая, но количественная. Использование же государственного насилия правоохранительных органов в прямо противоположных праву целях – это вопиющее явление. Оно говорит о том, что государство является неправовым. И факт наличия хотя бы одного политзаключенного отличается принципиально от фактов наличия незаконно осужденных. Общественное внимание к ним должно быть особым и отдельным, потому что наличие политзаключенных это диагноз всей правоохранительной системе.

Разрабатывая эти критерии, мы старались, чтобы они были максимально объективными. Насколько это возможно. Но мы действуем в условиях дефицита информации, практически никогда не владем всеми материалами дела. Существенная часть дел вообще бывает закрытыми. По остальным бывает что, адвокат связан обязательствами неразглашения материалов предварительного следствия. Да и по окончании не все материалы уже судебного дела, оказываются доступными. Изучение, зачастую, на волонтерской основе огромного массива дел, возникающих постоянно, – это достаточно тяжелое занятие. Действие в условиях постоянного дефицита информации влечет за собой то, что выводы по каждому конкретному случаю отнесения человека к категории политзаключенный всегда носят вероятностный характер. Бывают крайние случаи, как со вторым делом Ходорковского, когда абсурдность обвинительного заключения – очевидна. Есть и другие такие дела. Но, в целом, элемент субъективности – это общее правило.

Ситуация неопределенности и субъективности ставит нас между полюсами выбора. Первый полюс – это презумпция невиновности – мы исходим из того, что человек не виноват, пока в его виновности нас не убедило судебное решение. Либо мы исходим из презумпции истинности приговора, то есть пока нас не убедили, что приговор не правосуден, не справедлив, выводы суда не соответствуют реальным обстоятельствам дела, то мы этому приговору доверяем. В общем и целом, мы склоняемся в своей позиции к презумпции невиновности. Потому что состояние нашей судебной системы не дает основание для специальной презумпции приговора суда.

Когда известен обвинительный приговор суда – это не значит, что любой такой приговор должен быть оспорен и отвергнут, но сомнения, условно говоря, мы всегда склонны трактовать в пользу человека. Поскольку абсолютной полноты информации у нас никогда быть не может. Представляется мне, что есть всегда риск либо признать политзаключенным того, кто им не является, либо, наоборот, не признать таковым того, кто действительно этого заслуживает. Риск первого случая мне представляется меньшим, нежели во втором случае, когда отказывается в особом внимании к человеку. Невозможно провести эту линию разграничения абсолютно точно. Ломание копий по этому поводу, конечно связано со словами.

Например, на Болотной площади слово «политзаключенный» употребляли в бытовом смысле. Имелись в виду совершенно правосудно осужденные к административному аресту участники первых послевыборных протестных митингов в Москве 5 декабря. Их осуждали с полным нарушением процедуры и здравого смысла. Все помнят эти обстоятельства. Они были одновременно и узниками совести и политзаключенными. Требование их освобождения было совершенно правомерно. Протестная волна продолжала нарастать и когда этих людей освободили, встал вопрос о других сидящих. В общественном сознании сыграл роль стереотип, что, дескать, все политзаключенные – это некие ангелы, которых надо немедленно освободить.

А когда выяснилось, что туда попадают какие-то люди, которые кому-то не нравятся по своим взглядам, а также возможно и по своим действиям, то оказывается, что они своим присутствием якобы компрометируют весь список политзаключенных. Это неверный подход.

Узники совести, безусловно, требуют немедленного освобождения. Но на справедливый суд, если мы видим, что суд был несправедлив, может претендовать каждый. Это совершенно справедливо. Спасибо.

Ведущий (О. Орлов)

Я забыл сказать во вступительном слове, что мы были бы рады отразить и более широкий спектр точек зрения. Мы думали, что у нас будут представители организации «Русь сидящая» (Максим Трудолюбов), Другой России, ряда организаций левого спектра. Я надеюсь, что в последующей дискуссии эти точки зрения прозвучат в выступлениях. Спасибо. Теперь Фредерика Бэр – Amnesty International.